

Когда Шэнь Цзиньчэн вернулась после того, как разнесла подарки, плотник А-Ню уже почти закончила ремонт развалившейся деревянной кровати. Крепкая женщина сидела на корточках, остругивая каркас кровати, а рядом были разбросаны инструменты: молоток, пила, лак. А-Ню заменила прогнившие доски новыми, а старые, потемневшие от времени куски дерева заново отшлифовала и покрыла лаком. Прежде ветхая кровать теперь приобрела приятный натуральный оттенок и выглядела как новая. Деньги были потрачены не зря.

Так как Ду Жо был мужчиной, он уединился в другой комнате, чтобы не смущать гостью, пока А-Ню работала. Шэнь Цзиньчэн, глядя на взмокшую от пота А-Ню, принесла ей чашку чая:

— Сестрица А-Ню, выпейте воды, отдохните. И перекусите чем-нибудь.

А-Ню вытерла пот с лица грязным рукавом, с трудом поднялась, опираясь на стоящий рядом стол, и залпом выпила предложенный чай:

— Сестренка, посмотри, нужно ли еще что-то подправить?

Шэнь Цзиньчэн улыбнулась:

— Я всем очень довольна.

А-Ню была плотником и не работала в поле, поэтому кожа у нее была светлее, чем у обычных крестьян. Ей было лет двадцать пять-двадцать шесть, примерно столько же, сколько было Шэнь Цзиньчэн до того, как она попала сюда, но выглядела А-Ню гораздо старше, почти как сорокалетняя женщина. Немного передохнув, А-Ню вернулась к работе. Заметив, что ей тяжело приседать и вставать, Шэнь Цзиньчэн принесла ей маленькую табуретку. А-Ню села и рассмеялась:

— Спасибо, сестренка!

Они разговорились:

— Сестрица А-Ню, почему у вас походка такая тяжелая? Вы к врачу обращались?

А-Ню продолжала стучать молотком, отвечая беззаботно:

— Да что тут лечить?

— Беременность всегда делает женщину немного неповоротливой, особенно когда нужно присесть или встать.

— Что? Беременность?!

Шэнь Цзиньчэн едва не лишилась дара речи. Она внимательно осмотрела А-Ню: та не была похожа на беременную с огромным животом, просто выглядела слегка полноватой. Да и как может беременная женщина так лихо работать? Прежняя хозяйка тела была совсем юной, пятнадцатилетней, семья Ду жила обособленно, и Шэнь Цзиньчэн никогда не видела, чтобы в доме случилось пополнение. Поэтому ее познания о беременности были равны нулю. Она с изумлением спросила:

— Сестрица, вы правда в положении?

А-Ню, не поднимая головы, продолжала колотить молотком:

— Глупая ты, зачем мне тебя обманывать? Я не просто беременна, мне скоро рожать.

Шэнь Цзиньчэн с тревогой смотрела на молоток в руках А-Ню. Каждый раз, когда та поднимала и опускала его, сердце Шэнь Цзиньчэн сжималось от страха. Наконец, не выдержав, она выхватила у нее инструмент — еще не хватало, чтобы та погубила ребенка прямо у нее в доме!

— Сестрица А-Ню, как же вы, будучи в положении, беретесь за такую тяжелую работу? А если что-то случится?

Стук внезапно прекратился. А-Ню посмотрела на нее с недоумением:

— М? А что может случиться?

Шэнь Цзиньчэн замялась:

— Ну, а если случится выкидыш?

— Выкидыш? — А-Ню задумалась, пытаясь понять значение слова, а потом расхохоталась: — Вот рассмешила! Если ребенок не удержится, это же так же легко, как сходить в туалет. О чем тут волноваться?

Шэнь Цзиньчэн почувствовала, как рушится ее картина мира. Женщины здесь настолько суровы? Она осторожно спросила:

— Сестрица, даже если со здоровьем все в порядке, разве вам не будет жаль, если ребенок не родится?

А-Ню снова взяла молоток и, не поднимая головы, продолжила работу:

— Если женщина не может выносить такую мелочь, значит, семя было плохое. Так даже лучше.

Затем А-Ню многозначительно посмотрела на Шэнь Цзиньчэн:

— Мужчин с плохим семенем брать нельзя, как бы красиво они ни выглядели. Многие женщины, к которым мужчины пришли в дом, еще и вынуждены лежать пластом, чтобы сохранить плод — ну не смешно ли? — А-Ню разговорилась: — Ты подумай, неужели кто-то может терпеть такое? Это же все равно что стать рабом ради денег! К тому же дети от таких мужчин рождаются слабыми, ни на что не годными. Даже в поле работать не смогут, а их корми да пои. Не пустые ли траты?

А-Ню увлеклась, но, заметив, как изменилось лицо Шэнь Цзиньчэн, вспомнила о ее положении и поспешила сгладить углы:

— Сестренка, ты не принимай на свой счет, я просто рассуждаю. Ничего такого не имела в виду.

Это известие стало для Шэнь Цзиньчэн таким потрясением, что она долго не могла прийти в себя. Охваченная любопытством, она продолжила расспрашивать А-Ню. Оказалось, что та уже на восьмом месяце, хотя это было совершенно незаметно — живот был лишь слегка округлым. Поддавшись на уговоры Шэнь Цзиньчэн, А-Ню позволила ей прикоснуться к животу. Шэнь Цзиньчэн положила руку на небольшой бугорок — никаких растяжек, никаких деформаций кожи, как в ее прежнем мире, где дети казались чем-то вроде инопланетных существ, паразитирующих на организме матери.

Поняв ситуацию, Шэнь Цзиньчэн повеселела. Она начала постепенно осознавать основы матриархального общества: женщины здесь сильны и выносливы, беременность не является для них смертельной угрозой, поэтому все мужчины, желающие оставить потомство, вынуждены искать покровительства у женщин, иначе в старости они останутся в полном одиночестве. В семьях женщина — глава, и со временем эта модель закрепилась во всем обществе, где женщины обладают абсолютной властью.

Осознав это, Шэнь Цзиньчэн восхитилась. Слава предкам, которые даже во время беременности выходили на охоту!

...К тому времени, как А-Ню закончила ремонт, наступило время ужина. Шэнь Цзиньчэн попросила Ду Жо разогреть остатки курицы и приготовить пару овощных блюд. Когда А-Ню собралась уходить, Цзиньчэн уговорила ее остаться, ведь после целого дня работы та порядком проголодалась.

Они сели ужинать. Мастерство Ду Жо было весьма посредственным: мясо получилось

пережаренным и темным, а побеги чеснока — до ужаса солеными, так что их можно было есть только как закуску к рису. Однако масла он не пожалел, так что есть было можно. А-Ню, привыкшая к тяжелой работе, любила поострее и налегала на еду. В процессе она захотела купить вина, но Шэнь Цзиньчэн, помня о ее положении, попыталась отговорить ее. А-Ню лишь отмахнулась:

— Где ты видела такую неженку? Если от пары глотков вина с ребенком что-то случится, значит, ему и не суждено было родиться.

Шэнь Цзиньчэн пришлось подчиниться местным обычаям и отправить Ду Жо за вином. Позже, выпив по паре чашек рисового вина, А-Ню стала гораздо откровеннее. Глядя на красивого молодого человека, она заметила:

— Чуньхуа говорила, что ты стал гораздо рассудительнее, а я не верила. А сейчас смотрю... — А-Ню почесала затылок. — Как же это слово... Точно, очистился от скверны. Начал новую жизнь.

— Ха-ха.

Можно было бы выразиться и помягче. Шэнь Цзиньчэн подняла чашку:

— Сестрица А-Ню, раньше я вела себя как дура. Спасибо вам за терпение.

А-Ню залпом выпила вино:

— Люди все совершают ошибки по молодости. Главное — теперь жить честно. У тебя ведь целая семья на попечении.

Шэнь Цзиньчэн улыбнулась:

— Вы правы, сестрица.

А-Ню с каждым взглядом все больше проникалась симпатией к этому юноше. С его приятной внешностью Шэнь Цзиньчэн легко располагала к себе людей. Раньше она вела себя развязно и вызывающе, отталкивая окружающих, но сегодня, пообщавшись поближе, А-Ню поняла, какая это милая девушка. Не зря Господин Ду выбрал ее.

Шэнь Цзиньчэн проявила немалую проницательность, и беседа потекла легко. Она выдумала историю о том, как в юности попала под влияние дурных людей, и в красках расписала, какими негодяями были ее прежние дружки, обвинив их в том, что они обманом пытались выманить у нее наследство. Когда Шэнь Цзиньчэн дошла до самых трагических моментов, у нее на глазах выступили слезы. А-Ню пришла в такую ярость, что начала грозить, что пойдет жаловаться властям. Шэнь Цзиньчэн удержала ее руку:

— Сестрица, я сама виновата. Жаловаться властям бесполезно. Я была слишком молода, мать рано ушла, некому было меня наставить...

— Ох!

Шэнь Цзиньчэн была совсем юной, и это покаяние пробудило в А-Ню материнские чувства. Она схватила Цзиньчэн за руку, взволнованно воскликнув:

— Дитя, если будут трудности, сразу говори мне. Мы, женщины, горы свернем, нет таких преград, которые мы бы не преодолели.

— Сестрица...

— Давай, пей еще!

<http://bllate.org/book/20756/2081303>